

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 6

1985

Фазу АЛИЕВА

РАЗГОВОР С ОТЧИЗНОЙ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 6

Фазу АЛИЕВА

РАЗГОВОР С ОТЧИЗНОЙ

СТИХИ И ПОЭМА

*Переводы с аварского
Сергея Северцева и Геннадия Ярославцева*

Москва, Издательство «ПРАВДА»
1985

Фазу АЛИЕВА

Фазу Гамзатовна Алиева родилась в ауле Гиничутль Хунзахского района Дагестанской АССР. Окончила в 1961 году Литературный институт имени А. М. Горького.

Первая книга ее стихов «Родное село» издана на аварском языке в 1959 году. На русском языке вышли поэтические сборники «Голубая дорога», «Весенний ветер», «Радугу раздаю», «Резьба на камне», «Маленькие огоньки», «Закон гор», «Дождь радости», «Радость займы», «Аварские тосты», «Выбор», «Книга моей любви», «Нежность», «Напутствие» и другие.

Фазу Алиева — автор более двадцати поэм: «Мать сирот», «В сердце каждого Ильич», «Восемнадцатая весна», «Живые легенды», «Вечный огонь», «Орлы слетают с гор», «Гора не боится града», «Голубые бусы», «Отчего седеют мужчины» и других.

Русские читатели знакомы и с прозаическими произведениями Фазу Алиевой — с повестями «Судьба», «Родники рождаются в горах», с романами «Родовой герб», «Орел точит клюв о камень», «Роса выпадает на каждую травинку». Ей присуждена премия имени Николая Островского за роман «Комок земли ветер не унесет» и республиканская премия ДАССР имени Сулеймана Стальского за поэму «Восемнадцатая весна». В 1978 году за произведения на военно-патриотическую тематику поэтесса была удостоена премии Министерства обороны СССР.

Фазу Алиева ведет большую общественную работу: она главный редактор журнала «Женщина Дагестана», выходящего на шести языках народов Дагестана и на русском языке. Является членом Всемирного Совета Мира, председателем Президиума Дагестанского комитета защиты мира, депутатом Верховного Совета республики. Поэтесса много ездит по родной стране, побывала во многих европейских странах, в Монголии, Индии, Малайзии.

За литературную и общественную деятельность Фазу Алиева награждена орденом «Дружба народов», двумя орденами «Знак Почета». Ей присвоено высокое звание народной поэтессы Дагестана.

*40-летию Великой Победы
советского народа над фашизмом
п о с в я щ а е т с я*

Мальчишкам Сорок первого

Мальчишки Сорок первого... Когда-то
Я с детской завистью им вслед взирала,
Когда из школы шли они в солдаты —
Сражаться с тьмой, с бедою небывалой.
Еще их щеки не узнали бритвы,
Еще подруг не целовали губы,
А на полях великой, страшной битвы
Уже их судьбы смерть косила грубо.
Мальчишки Сорок первого... Когда-то
От них я с фронта письма получала...
О первый плач! О первые утраты —
Путей к победе тяжкое начало!
Да, сколько не вернулось в наши сакли
И сколько спит в земле чужих селений...
Их кровь, их сила — до последней капли —
Всех самоцветов мира драгоценней!
Мальчишки Сорок первого... Когда-то
Дразнила их, дружила я, играла...
Теперь стареют прежние ребята —
В медалях, в шрамах наши аксакалы.
Растет мальчишек новых поколение —
Веселых, честных, боевых, хороших,
Но не по ним учу держать равнение
Я четырех сынов моих подросших.
Мальчишки Сорок первого... Когда-то
Я их ждала — и ждать не перестала,
Хоть и блещат их имена и даты
На молчаливых гранях пьедестала.

И чудится, что вижу повторенье
Их строгих черт, святых, неповторимых,
Когда гляжу с надеждой и волнением
На четырех сынов моих любимых.

Память

Да, вот уж сорок лет, как кончилась война,
Но память о войне по-прежнему сильна,
Как будто корни зла, она цепка, живуча,
Как угли под золой, невидима, но жгуча.
В одном пылает ночь от взрывов и ракет,
В другом живет тоска голодных детских лет,
А в сотом, в тысячном, как рана ножевая,
Сиротство и вдовство болят, не заживая.
Но память о войне не старый, мрачный склад
Лишений и разлук, ранений и утрат:
Война и мучит нас — той муки не измерить,
Война и учит нас — любить, бороться, верить.
Не потому ли мы сильнее с каждым днем,
Что в нас вливается упорством и огнем
И слава храбрецов, в сраженьях закаленных,
И скорбь о двадцати погибших миллионах.

Подвиг

К бессмертному подвигу,
высшему из вдохновений,
не как на вершину
идут, от ступени к ступени,
к бессмертью взлетают
подобно пылающим птицам —
себя целиком отдавая,
а не по частицам.
Не трудно и медленно
всходят к нему,
а мгновенно
взмывают орлами
стремительно и вдохновенно,
и азбуку подвига
не по слогам изучают,
а сразу — всей жизнью —
на главный вопрос отвечают.

Да, сразу всю жизнь
отдают в этот миг раскаленный:
и детство, и юность,
и к старости путь отдаленный,
и землю,
что стала внезапно
милей и знакомей,
и небо,
что стало внезапно
синей и бездонней.
Герой свою жизнь,
как вселенную, в жертву приносит —
на чашу весов
все мечты, все сокровища бросит:
и зори, и звезды,
и свет из родительских окон,
и даже любовь,
что так трепетно в сердце берег он.
О сколько их было —
тех юношей обыкновенных,
героев мгновенных,
орлов молодых, дерзновенных!
В грохочущем пламени,
в скрежете вражеской стали
забыли, что смертны они —
и бессмертными стали.
Пускай же теперь
наши дети и внуки
по праву
наследуют нашей победы
бессмертную славу,
но путь к этой славе
был долгий, нелегкий, неблизкий:
от Волги до Шпрее
obeliski стоят, obeliski...

Соседский сын

Помню, соседский сын, чернобровый Омар
На фронт ушел добровольцем — в самый разгар
Жестоких боев. Сарай починить он хотел,
Но не успел. Крыльцо пристроить хотел,
Но не успел. Покрасить дверь собирался,
И этого не успел!.. Наверно, даже на фронте,

Наследника послала,
Молоденькую яблоньку
В честь дня его рожденья
В саду садовник высадил
Друзьям на удивленье.
Дождем кропило яблоньку,
Снегами заносило.
Росло и крепло деревце,
Цвело, плодоносило.
И рос в семье садовника
Мальчонка черноокий,
Мужал и креп он с яблонькой
В одни и те же сроки.
Перед отцом-садовником,
Перед землею-матерью
Долг исполняла яблонька —
Плоды стелила скатертью.
Однажды злые недруги
На землю ту напали:
Звенели сабли острые
И пушки грохотали.
И старые, и малые,
Отец, и дед, и сын,
Защитниками Родины
Все стали как один.
Был юный сын садовника
Храбрее всех в боях,
Герой врагам отвагою
Внушал великий страх.
Являлся невидимкою,
Обрушивал удары,
И в стане вражьем вспыхивали
Грозные пожары.
Живым иль мертвым надобно
Врагам героя взять,
Иначе им, разбойникам,
Земли не удержать.
Предательство, раненье ли,
Но черный час настал:
Ликуют звери лютые —
Герой к ним в плен попал.
Его пытали — выстоял
И не просил пощады.
«Я защищаю Родину
И не боюсь вас, гады!»

«Пусть не боится он один,
Но устрашится десять!...»
Решили юношу враги
На страх другим повесить.
И — вздернули на первый сук...
Однако ствол склонился,
На землю юношу спустил
И — треснул, надломился.
Другое дерево врагам
Служить не захотело
И, сбросив юношу, само,
Увы, не уцелело.
На яблоньке-ровеснице
Повесили солдата,
Что в честь его рождения
Посажена когда-то.
Висел герой на яблоне.
Потом врагов побили,
Земле предали юношу,
Но древо не срубили...
Уже не раз я слышала:
Садовник тот упорный
В саду своем все новые
Высаживает корни...

.

Дерева моего добра
Цвели, плодоносили.
Потом завистники мои
На них меня казнили.
Такое было — и не раз:
Я мучилась, рыдала,
Однако же творить добро
Отнюдь не перестала.
И пусть завистники сильней,
Пусть я одна, их — десять.
Не может моего добра
Их злоба перевесить!

В родном ауле

Летели дни — цветы с весенней вишни:
Одни слетали мертвенно, неслышно,
Другие, с холодом и ветром справясь,

За ветвь держались, превращались в завязь.
Пила я радость солнца, обжигаясь,
Пила и горечь яда, ошибаясь.
Но в памяти хранилась нерушимой
Тропинка, что ведет в аул родимый.
Не год, не два в моем скитанье долгом
Меня томил он неоплатным долгом,
Но вот судьба мне даровала милость —
Сюда хоть погостить я возвратилась.
Не я вернулась, а ко мне вернулись
Изгибы узеньких аульских улиц,
Над пропастью — уступы плоских кровель,
И брызги слез, и звон счастливой крови.
Конечно, больше нет границы древней,
Что разделяет город и деревню.
И все ж у стен родимого аула
Границу детства я перешагнула.
Вот возвещает дым над старой саклей,
Что в ней любовь и счастье не иссякли,
А вот повеял милый запах детства —
Чудесный запах молока и теста.
Вот руки протянули мне соседи,
И знаю: нет мудрее рук на свете,
И вижу: с пальца каждого стекая,
Добро сияет — струйка голубая.
Добро, что в жизни столько сил дало мне,
Добро, что в сердце билось: «Помни, помни —
Тропинку помни в свой аул родимый,
Там твой исток — исток неистощимый...»

Сиреневая печаль

И снова улыбчивый день весенний,
И всюду цветущие ветки сирени,
В руках у прохожих — сирень, сирень,
Сиреновой радостью светится день.
А мне аромат цветущей сирени
Доносит бывшего горькие тени,
И в памяти боль незажившей тоски
Рождают сиреневые лепестки.
Росла я в ауле — в каменных сотах,
Сирень не цветет на таких высотах,
Но запах ее в наши горы весной
Принес Магомед — педагог молодой.

Из дальнего города, с книжками вместе,
Привез он своей Хадижат-невесте
Подарок, лучистый, как девичий сон:
В коробочке яркой волшебный флакон.
Граненый, блестящий. На этикетке —
Изображение сиреновой ветки.
С улыбкой открыла флакон Хадижат,
Разнесся сирени густой аромат.
И помню, как мы, детвора, гурьбою
За гордой красавицей молодою
Бегали — нюхали, будто щенки,
Как пахнут сиреневые лепестки.

Недолго, увы, этот сон был ярок,
Недолго был радостным этот подарок:
Красавица свадьбы не дождалась,
Мечта не сбылась — война началась.
В последний раз Хадижат надушилась,
При всех обнять жениха решилась,
Когда на фронт уходил Магомед,
Когда сквозь слезы глядела вслед.

Прошла, но вовек не сможет забыться
Жестоких военных дней вереница,
Жизнь — как поток: все дальше течет,
И лишь Хадижат по-прежнему ждет.
Но кто не нашелся, уже не найдется,
И кто не вернулся, разве вернется?
Прошло с тех пор уже сорок лет:
Пропал Магомед — ни весточки нет.

Давно чьи-то внуки гурьбой веселой
Гоняют мяч перед новой школой.
Седеет, стареет, молчит Хадижат,
Но ждет, как ждала сорок лет назад.
А зеркало смотрит, пылясь на комод,
Как день одинокий за днем уходит,
Да грустно блестит, как несбывшийся сон,
«Белой сирени» старый флакон.

Давно уже выцвело на этикетке
Изображение сиреновой ветки,
В граненом флаконе уже давно
Духи испарились, высохло дно.
Вот так же иссохла, поблекла, иссякла
И жизнь Хадижат в одинокой сакле,
Живут лишь глаза — удивленье в них:
Когда же с войны возвратится жених?

Разговор с Отчиной

Томясь в бреду, в огне мучительной болезни,
С обрыва ли катясь к неумолимой бездне,
Мы, даже взрослые, кого в тоске зовем?
Мать, мать свою зовем: по-детски чуда ждем.
А наши матери во дни беды и муки,
Рыдая и мечась, заламывая руки,
Кого в последний миг в смятении зовут?
Детей своих зовут: от них спасенья ждут...
Но ты, Отчина-мать, будь за себя спокойна:
Смогла своих детей ты воспитать достойно,
Цвети, защищена стеной богатейшей —
Бесстрашною броней сынов и дочерей.
Всегда готовы встать на бой с любой грозой
И новый Кошевой, и Чайкина, и Зоя,
Матросов бросится опять на вражий дот,
Гастелло факелом обрушится с высот...
И знаю: не пройдут стада железных чудищ.
Да, если снова, Мать, со злом ты биться будешь,
Клянусь я, что отдам на первый же твой зов
Всех четырех сынов — рожденных мной орлов.
А если их судьба — сгореть, пропасть без вести,
Сама в огонь пойду... Нет в жизни большей чести,
Чем с пламенем в глазах, с оружием в руках
И с именем твоим, горящим на губах,
Идти в последний бой — к сияющей победе,
Чтоб больше не было войны на всей планете!

Из лирических тетрадей

1

Все выше я бегу по склонам каменистым,
Звенит моя тропа серебряным монистом,
Бегу и не боюсь скалистой высоты,
И так легко в глазах качаются хребты.
Да и плечам моим громада небосвода
Совсем не тяжела — и странная погода
Вдруг воцаряется: то смех, то брызги слез,
Не ветерок ли с гор веселый дождь принес?
Нет, это я дождем к тебе — к моей чинаре —
Спешу, чтоб трепетать все чувства начинали,

В душе твоей ожив под свежестью сквозной,
Как сотни веточек, терпевших долгий зной.
Пусть под ливнем ласк опять они окрепнут,
Пусть твои глаза от брызг на миг ослепнут,
Но вспыхнут, как грозой омытые цветы,
Узнав мои черты, поняв мои мечты.

2

Не надо, родной, в этот час прощанья
Дарить ни клятвы, ни обещанья —
Весь жемчуг морей — на весах бытия —
Одна перевесит слезинка твоя!
Каких полна сокровенных магий
Та капелька солоноватой влаги,
Что, словно беглянка, сползла тайком
По жесткой складке над плотным ртом.
Мне ли не знать, как долго, упорно,
Будто в огне кузнечного горна,
Мужское чувство должно пылать,
Чтоб эту каплю чистую дать.
Вот почему в этот час прощанья
Прошу я не клятвы, не обещанья:
Как лучший дар всех гор и морей,
Жду лишь одной слезинки твоей,
Чтоб каплей расплавленного металла
Она прямо в сердце мое упала,
И пусть останется жгучий шрам —
Врачам этот шрам залечить не дам.

3

Я против матриархата,
 за крепкую власть мужчины,
За чувств его половодье,
 сломавшее все плотины.
Я против матриархата,
 за грозную страсть мужскую,
Без власти его объятий
 всегда я томлюсь-тоскую.
Я против матриархата,
 я требую от мужчины,
Чтоб стал и беды, и счастья,
 и песен моих причиной.

Но с виду алмаз я твердый,
алмаз ледяной, дразнящий, —
Расплавь его, если вправду
мужчина ты настоящий!

4

Теперь мне кажется: пускай необычным
Был этот миг — а все же не случайным,
Когда, как молния средь бела дня,
Настиг ты, ослепил, обжег меня.
Ты жил в моих стихах, мечтах, заботах,
В пути, на самых острых поворотах, —
Да, с первых же шагов судьбы земной,
Неузнанный, ты был уже со мной!
Когда дождинки радость мне роняли,
В них брызги радости твоей сияли,
Когда снежинки мне печаль несли,
Они твоей печалью сердце жгли.
Когда в тиши тоскливо, сиротливо
Склонялась я, как плачущая ива,
В тот час, наверно, в смутном далеке
Ты шел ко мне, ты изнывал в тоске,
Не мог найти меня. И вот — настало!
Взглянула я — в огне затрепетала,
Узнала, обомлела, поняла:
Ты — мой, ты — тот, кого всю жизнь ждала!

5

Любовь прекрасна лишь тогда,
когда становится деяньем,
Когда картиной станет холст,
а мрамор — смелым изваяньем,
Когда из почки лист взойдет,
а из зерна — звенящий колос,
Из камня чистый ключ забьет,
а из груди прорвется голос.
Любовь прекрасна лишь тогда,
когда ударятся два сердца,
Чтоб мрак тоскливый разогнать,
на ледяном ветру согреться.
Так сталь встречается с кремнем,
чтоб дерзко искры засверкали,
Чтоб вспыхнул радостный костер
на самом трудном перевале.

Ах, этот ранний час, когда плывет в тумане
 Гора, курящая калян свой великаний,
 И лишь далекий луч златит уступы круч,
 Где я одна стою — в краю орлов и туч.
 И вся охвачена я тютчевской печалью,
 И фетовской строфы созвучья различаю,
 И все светлей туман, все огненной заря,
 И тысячами струн дрожит душа моя.
 И все вокруг звенит: ручьи, травинки, птицы,
 И дальний стук подков, и горный клич орлицы,
 И как откликнуться хочу на каждый зов
 Рассветных голосов! Да не хватает слов...
 Тогда над пропастью, над скалами глухими
 Твое, любимый мой, выкрикиваю имя,
 И в этом имени — ответ всем голосам:
 Заре, горам, ручьям, земле и небесам.

Мне, твой покой навсегда укравшей,
 Мне, потерявшей и свой покой,
 Мне, до созвездий тебя поднявшей
 И в сны-лабиринты взявшей с собой,
 Мне, ради встреч наших жарких ставшей
 Отчаянней сказочного смельчака,
 Мне, столько раз через пропасть шагавшей,
 Смеясь и танцуя на грани клинка,
 Мне, опьяненной, мне, просветленной,
 То ясновидящей, то слепой,
 Мне, без остатка в тебе растворенной,
 Не мыслящей мига прожить не с тобой,
 Мне, опаленной страстью твоею,
 Впитавшей и боль ее и благодать,
 Сегодня земля стала втрое роднее,
 А небо — ну просто рукой подать!

Я медом радости и доброты светилась,
 Но ложка дегтя в нем невидимо таилась —
 Комочек зависти... Ее стыдилась я,
 И лишь перед тобой до дна открылась я.

Да, мой изъян души был недоступен глазу,
Но ты, возлюбленный, его заметил сразу,
И доброта твоя так солнечна была,
Что растворился в ней, исчез комочек зла.
Теперь перед тобой стою, светясь и тая,
Прозрачна, как слеза, как влага золотая,
Любимый, пей меня, пей сладко, день за днем,
Чист мед моей души, ни капли черной в нем!

9

Все казалось невозможным,
Будто сказочная небыль,
Недоступным и тревожным,
Как изменчивое небо.
Да и в ком найдутся силы,
Чтобы прямо в небо взвиться?
Мы ведь пылки, но бескрылы,
Мы ведь люди, а не птицы.

Все казалось невозможным...
Только вдруг судьба смягчилась —
Свой клинок вложила в ножны
И сменила гнев на милость.
Стало небо низким-низким,
Стало счастье близким-близким,
Слез весенний дождь сверкает,
И снежинки в сердце тают.

Все казалось невозможным,
А каким возможным стало!
Узнаю твой взор надежный,
Голос теплый, чуть усталый.
Снова после злой погони
Ясный мир добром лучится,
И рука в твоей ладони
Отдыхает хрупкой птицей.

Внезапность

В обыкновенный
Забитый заботами день
Внезапно, неожиданно,
Как вихрь или горный олень,
Как сказочный витязь,
Ничем на других не похож,
Возник ты —

Меня ослепляешь
И душу мне жжешь.
Не жжешь — выжигаеть!..
Недвижно стою, чуть дыша,
И чувствую:
Новая в теле забила душа,
Кругом погляжу —
Все так празднично, ярко, пестро,
По зернышку
В людях теперь нахожу я добро,
Колосья их лучших стремлений
Хочу я растить,
А все заблужденья, ошибки
Готова простить...
Так радости много,
Так много добра вокруг меня,
Что кажется:
Нет ни единого буднего дня!..
Но где-то в груди,
Будто листик, тревога дрожит:
Вдруг ты, необычный,
К которому сердце спешит,
Утратишь свою необычность,
И станешь — как все?..
Ужель разуверюсь
В духовной твоей красоте?

Доверчивость

Не верила я сердцем с юных лет,
Что есть на свете зависть, зло, навет,
Зато воображала мир чудес —
В мечтах и до сих пор он не исчез.
Наивной, всё мне верилось: вот-вот
Ушедший к предкам снова оживет,
И снова посветлеет тусклый взгляд,
И смолкшие уста заговорят..
Ворота распахнутся, — сквозь проем
Пропавший без вести войдет в наш дом,
Протянет руки трепетные мать,
Счастливых слез не сможет удержать!..
Не верилось, что зло свое копье
Нацелит в сердце пылкое мое,
Не знала я, что нужен крепкий щит...
И вот — душа болит, кровоточит!

Суть счастья

Каждый имеет о счастье свое представление.
Если бесстрастность мою побеждает волнение,
Если неожиданная радость разгонит печали,
Если друзья не предали, враги замолчали,
Если недуги не свили гнезда в моем теле,
Если сама не дежурю у чьей-то постели
И не прощаюсь с товарищем я на погосте,
Если сидят за столом долгожданные гости,
Если встречаю улыбки — не брань и упреки,
Если в груди моей зреют весомые строки,
Если мой стих обретает порыв и напевность,
Если любовь моя знает тревогу и ревность,
Значит живу, значит, счастлива я, без сомненья!..
Каждый имеет о счастье свое представление.

САЛИДАТ

(поэма)

1

Очень краткой была на столе записка:
«Не сердитесь, мама, простите, ждите,
Над Отчизной большая беда нависла,
Все воюют, и я воевать ушла...»
Вот что маме своей Салидат написала,
Отправляясь с двумя подругами в город,
Чтоб уйти добровольцами на войну.
Было это осенью, после жатвы,
Самой тяжелой осенью, самой грозной,
В беспощадном Сорок втором году.

Я в руках держала эту записку,
После долгих поисков и расспросов
Наконец приехав в аул Ахты.

Я в руках держала эту записку —
Пожелтый тетрадный листочек в клетку,
Я глядела на школьный, округлый почерк,
На поспешные строчки, бегущие вкось,
И дрожал в моих пальцах мятый листочек —
То ли крылышком бабочки обгоревшей,
То ли высохшим, но еще душистым
Лепестком загубленного цветка...

Я сжимала в пальцах эту записку,
И, вздыхая, рассказывали две подруги,
Как прошли всю войну, как домой вернулись,
Как теперь постарели — внуков растят.

Да, втроем ушли, а вдвоем вернулись:
Говорят, погибла под Братиславой
Их подружка веселая — Салидат.
В сорок пятом погибла она, в апреле —
Двадцать дней до Победы не дожидая...
Говорят, на холме, что зовется Славин,
На зеленой окраине братиславской —
Там, где кладбище наших бойцов погибших,
И ее могилу кто-то видал...

Навсегда опустела старая сакля,
Не вернулась дочь, умерла и мать,
Но хранят-берегут эту саклю соседи,
Как хранят и память о Салидат.

Постояла я в этой тихой сакле,
Где кувшин, да котел, да очаг потухший,
Где так чисто и прибрано, будто хозяйка
Отлучилась из дома всего на часок.
Но, увы, навсегда отлучилась хозяйка,
Лишь портрет в простой деревянной рамке
На стене висит — неподвижно смотрит
Сквозь прозрачно-мертвенный лед стекла.
И под тем же стеклом — ее «похоронка»:
Отпечатанные на штабной машинке
Три строки полустертые — «...смертью храбрых...»
Да фамилия, вписанная от руки,
А пониже — круглым кровоподтеком
Бледно-синяя расплзлась печать.

Не на эту отстуканную под копирку
Роковую, короткую весточку смерти —
На лицо невернувшейся я смотрела,
На черты навсегда молодой Салидат:
Были детские губы полуткрыты,
Будто ждали, чему бы им улыбнуться,
И доверчиво, ясно глаза глядели
Из-под легких крыльев крутых бровей.

В этот миг я решила, твердо решила:
Если буду когда-нибудь в Братиславе,
Непременно вспомню горянку нашу
И к ее последнему рубежу
Непременно приду — хоть одну гвоздику
В память юности пылкой, в бою сгоревшей,
На могилу землячке моей положу.

...В тот июньский теплый субботний вечер
 В синих сумерках факелы полыхали,
 И на площади перед аульским Советом
 «Молодец, Салидат!» — молодежь кричала.
 Бубен бил... И плясала она, плясала,
 Легкой ласточкою раскинув крылья,—
 И никто сравниться с нею не мог!

Лишь один то и дело кружился дерзко
 Перед ней — крепкоплечий, широкобровый,
 Молодой, удалой джигит Алирза.

Бубен бил, и зурна залиvisto пела,
 И плясала она, без конца плясала,
 И кричала друзьям: «Эй, орлы, ну что ж вы?
 Выходи, кто желает сплясать со мной!..»
 «Победила ты, Салидат!.. Сдаемся!..» —
 Раздались два выкрика восхищенных.
 «Видно, ласточку нынче орлы не поймают!» —
 Кто-то третий весело подхватил.

«Подождите-ка!..» — голос раздался зычный,
 Это крикнул Абуталиб почтенный,
 Седоусый чабан, старожил аула,
 Вышел в круг, приосанился аксакал.
 «Ну-ка, громче, музыка! — продолжал он,
 Заломил папаху, кинжал поправил.—
 Докажу, что в наших горах Ахтынских
 До сих пор еще можно орлов найти!
 Докажу, что и быструю ласточку в небе
 Настигает орел, даже самый старый,
 Лишь бы только он был настоящим орлом!..»

«Вай, постойте, да разве же я посмею,
 Дорогой аксакал, состязаться с вами?
 Вы и вправду танцор у нас знаменитый,
 Поощадите, дядюшка Абуталиб!» —
 Так, лукаво смеясь, Салидат взмолилась,
 Но уже загредел с новой силой бубен,
 И зурна зазвучала, и, руки вскинув,
 Закружился в пляске старый чабан,
 И тогда Салидат, хоть уже и устала,
 Снова стала плясать, не ушла из круга,—
 Так уж принято в наших горах, если вышел
 Танцевать уважаемый человек.

А за ней и другие птицы-плясуны
 Дружной стайкою устремились в танец

И вокруг почтенного Абуталиба
Понеслись, ускользая, кружась, дразня.
«Вай-вай-вай! — озираясь, будто в испуге,
Ухажер седоусый заодно крикнул.—
Хоть и смелый орел я, но ласточки наши
Захватили все-таки в сеть меня!..
О аллах милосердный, прошу, подольше
Ты меня в сети такой поддержи!..»

И катились в пропасть раскаты смеха,
И казалось: сверху на праздник глядя,
В синей тьме улыбаются ледники.

Допоздна в ауле Ахты не спали
И нарочно лампочек не зажигали,
Чтоб еще горячей, веселее, ярче
Полыхали факелы в синем мраке,
И уже устал надрываться бубен,
И зурна голосистая хрипнуть стала,
А по-прежнему с шумом от дома к дому
Молодежь веселой толпой ходила,
И звучали старинные горские песни,
И желали людям светлого неба,
И желали дружбы, рождений, свадеб,
Много-много добрых, счастливых лет!..

3

Вы видали хоть раз, дорогой читатель,
Как воскресным утром, июньским утром
Отмечают ахтынцы Праздник цветов?

На зеленом, цветами пестреющем склоне,
Окруженном гранитною стражей гор.
На лугу — толпа аульчан нарядных:
Седоусые старцы в курчавых папахах,
Чернокосые девушки, статные парни,
Бубен бьет и зурна, заливаясь, поет.
А вокруг-то, вокруг загляденье цветное,
Запах тысяч трав, с чистым ветром слитый,
Прыг да прыг из-под ног кузнечики скачут,
Средь цветов пчелы-труженицы жужжат,
Стрелокрылый стриж над разливом травным
На полете бредущем мчится с визгом
И почти задевает твое плечо,
И вливается в легкие горный воздух
Эликсиром юности и любви.

Вдруг зурна захлебнулась, запнулся бубен...
«Едет!.. Едет!» — волнуясь, толпа загудела,
Торопливо раздвинулась и замерла.

Все — от юных джигитов до дряхлых старцев,
От почтенных вдов до нарядных школьниц —
Все, что здесь, на цветущем альпийском склоне,
Летним утром радостным собрались,
Повернулись лицом к золотисто-лучистой,
Снежноглавой громадине Шалбуздага,
Ярких взоров с вершины ее не своя:
На людей, улыбаясь, гора глядела,
А над левым плечом ее богатырским
Поднимался солнца горящий шар!

И до боли, до слез глаза напрягая,
На слепящий восход Салидат глядела,
И казалось: прямо с небес на землю
Опускается облако ей навстречу —
Белым-белым облако это было,
Чистым-чистым, как радость нового дня!..
Нет, не облако... В белоснежных бурках,
В белых шапках со склона идут джигиты,
А на белом коне, в белоснежном платье
Едет в белом венке Красавица гор.

«Что стоишь? Пора!..» — зашептали сзади,
Кто-то в спину подталкивать стал Салидат,
Кто-то сунул ей в руки тяжелый сверток —
Длинный сверток, закатанный в простыню,
И шагнула она, и забилося сердце,
Будто пойманный жаворонок в горсти,
А проворные руки ее развернули
И на травах бережно расстелили
Многоцветный, узорный чудо-ковер.

С давних пор в селениях наших горных
О невестах люди судить привыкли
Не по их красоте, не по длинным косам —
Все горянки в юности хороши,
О невестах в наших аулах судят
По уменью, заботливости, трудолюбию,
По тому, как очаг они разжигают,
Как журабки вяжут, лаваш пекут,
По тому, как свое ремесло родовое
Переняли они, всей душой полюбили:
Если ты из Ахты — из аула ковровщиц,
Значит, тоже искусной ковровщицей стань!

Самый первый ковер!
Да, почти полгода
Салидат над этим ковром трудилась,
Никому не показывая, лишь порою
С милой бабушкой шепотом совещаюсь...
Самый первый ковер!
Сколько в нем отразилось —
В многоцветье затейливых этих узоров —
И мечты сокровенной, и девичьей грусти,
И предчувствий тревожных, и жарких надежд!
И пришло ослепительное мгновенье:
Перед всей толпой на цветущем склоне
Этот яркий ковер она разостлала,
Словно людям раскрыла всю душу свою,
Словно сердце кинула под копыта
Скакуна, на котором как будто с неба
Ей навстречу плыла Красавица гор.

А красивейшая из невест аульских,
Как заправский джигит, с иноходца прыгнув
И края серебристого платья расправив,
На чудесный ковер осторожно ступила,
Поглядела, воскликнула:

«Чей ковер?

Я красивой, клянусь, не видала ни разу!
Золотые руки у мастерицы —
Скоро станет ковровщицей знаменитой!
Признавайтесь, подруги: кто ткал ковер?..»

«Вот она!», — кто-то звонко из девушек крикнул,
«Вот она!.. Вот она!..» — подхватили другие,
Указав на застывшую от волненья,
От смущенья пылающую Салидат.
«Весь ковер соткала своими руками! —
Подтвердила соседка, вдова пожилая. —
Я видала сама!.. Сколько раз в их саклю
Заходила зимой — все сидит да ткет!..»
«Машаалах! — откликнулись аульчанки. —
Быть ей, быть ковровщицей знаменитой!..»
«Машаалах! — старики закивали дружно. —
А и вправду очень хорош ковер!..»

А один, самый сторбленный, самый дряхлый,
Распрямился, кряхтя, да ударил в землю
Крепким посохом: «Молодец ты, дочка!
Вот послушай, что про тебя скажу:
Хоть сама еще только малый птенчик,
А уже на вершину взлететь смогла!..»

От стыда и радости чуть не плача,
 Перед всей толпой Салидат стояла,
 А потом метнулась и побежала,
 Дикой козочкой по камням скача,
 На ветру взлетали длинные косы,
 Да мелькали проворные, смуглые ноги,
 Да, как пояс чеканный, звенела тропа.

За утес забежала — остановилась,
 Отдышаться решила... И сразу слышно:
 Кто-то вслед за ней по тропе бежит.

Алирза!..

Чернобровый соседский парень...
 Сколько раз встречался он ей во сне,
 Сколько раз Салидат тайком любовалась,
 Как он чинит сбрую,
 Как хворост рубит,

Как ведет к ручью гнедого коня.

А теперь перед ней он стоит, улыбаясь, —
 Озорной, запыхавшийся, крепкоплечий.

«Ты чего убежала? — глаза смеются. —

Испугалась, что ли? А что пугаться?

Не ругают ведь люди — хвалят тебя...»

«Испугалась? Я?.. Что еще придумал?

Надоело мне с вами — и убежала!

А вот ты привязался чего — скажи?...»

Так спросила строго, что самый смелый,

Самый дерзкий парень во всем ауле

Покраснел, смутился:

«Сказать по правде,

Об одном давно я спросить хотел...

А сейчас на ковер на твой поглядел я —

Неспроста ты выткала посередке

Два тюльпана — два сердца... Понять нетрудно,

Что одно — твое, а другое чье?...»

Так и вспыхнула девушка:

С первого взгляда

Тайный знак ее разгадал любимый!..

Но ответить ему ничего не успела —

Дробный топот пронесся, протяжный крик!..

Скачет всадник...

А следом — другой... И третий...

Будто вдруг обезумели от чего-то —

От неожиданной радости или беды?

И на всем скаку руками махали
И кричали отчаянные джигиты,
И одно только слово, гремя, разносилось,
А какое, сквозь топот не разобрать...
Мчались всадники...
Сыпались камни в пропасть...
И одно только слово, гремя, разносилось,
По горам разлеталось:
— Война!.. Война-а-а!..
— Ва-а-а-а!.. Вой-на-а-а!..
— Ва-а-а-а!.. Вой-на-а-а!..
Это ветер внезапный крикнул,
Ледяным порывом в лицо ударив...
— Ва-а-а-а!.. Вой-на-а-а!..
Будто рев из драконьей пасти,
Гул донесся из дрогнувшего ущелья...
И казалось, медленно и сурово
Шалбуздаг-исполин покачал головою —
Многодумной, громадной, величавой
Головою воина и мудреца,
И казалось: в гранитном горле ущелья
Прекратили на миг свой бой рукопашный
И тревожно замерли два потока —
Голубой Ахтычай и седой Самур.
Замерла и толпа на альпийском склоне,
Потускнел ковер, поникли тюльпаны,
И венок сняла Красавица гор...

5

По каким военным путям-дорогам
Из аула Ахты, вот из этой сакли
И до розы каменной — Братиславы
Прошагала горянка моя Салидат?
Как средь сотен тысяч солдатских судеб —
Сотен тысяч суровых, сплетенных нитей
Драгоценную красную шелковинку
Отыскать — фронтовую ее судьбу?
Как случилось, что ясным апрельским утром
Возле самых ворот лучезарной Победы
Эта искорка пламенная погасла,
Эта пылкая юность оборвалась?..
День за днем, упорно, почти три года
Продолжала я свой нелегкий поиск,
Всех следов найти не смогла, конечно,—
Долог, труден был путь ее боевой.
Но кто ищет — найдет!

Наконец повезло мне:
Разыскала нескольких однополчан я,
И с каким теплом они вспоминали
Дагестанку — юную медсестру.

Но ее не по имени вспоминали,
Потому что ласково — «Черноглазкой»
С первых дней прозвали ее в полку.

Рассказал мне один из седых ветеранов,
Белорус, коренастый, неторопливый,
С рваным шрамом на лбу,
С голубыми глазами,
Что светились, как два родничка в лесу,
Рассказал обстоятельно и неспешно,
Что в полку два года замполитом
И забыть не сможет, как Черноглазка
Отличилась в первом своем бою —
Как при виде раненых и убитых,
Оглушенная взрывами и пальбою,
У горящей березы, на дне воронки,
— Не хочу, не хочу!.. — вся дрожа, стонала...
«Ведь совсем малышкой была, девчуркой,
А уж тоненькая, что твоя тростинка!» —
Так старик добавил и с грустной лаской
Усмехнулся из-под седых усов.

«После боя вызвал я Черноглазку
Поздно вечером в свой штабной блиндаж
И сказал, когда мы вдвоем остались:
— Поезжай-ка ты, дочка, к маме домой!.. —
А она как сдвинет темные брови,
Как глазами сверкнет:
— Ни за что не поеду!
Вот увидите, — говорит упрямо, —
Скоро стану всех, даже вас, храбрей!..»
«Ну, а после?..»

«После?.. Так и осталась
Медсестрой у нас в полковом санбате,
Стала вправду храброй — такую храброй,
Что порой даже диву давались мы.
Артобстрел, бывало, или бомбежка,
Головы не поднимать — так и свищут осколки,
А она — бесстрашная ласточка наша —
Через поле к раненому спешит.
Перетащит в воронку его и бинтует,
А уж как бинтовала — проворно, ловко!
На ковровщицу, слышал я, с детства училась,

Вот и были, как птицы, руки легки.
Это верно, что смелого пуля боится,—
Сколько мы бойцов в боях потеряли,
А она целехонькой оставалась,
Хоть была, как и мы, на передовой!..
Будто вправду от пуль заклинанье знала —
Так иные говаривали про нее...

А потом возле Вислы и мне досталось,—
Тут он пальцем по шраму на лбу провел.—
Как насели фрицы, как дали жару,
Ну, подумалось, всем нам теперь хана!..
Был гранатой я оглушен и ранен —
И сюда, и в плечо, и в правую руку,
Не нашла бы во рву меня Черноглазка,
Я бы кровью, наверно, к утру истек.
В тыл меня увезли... С той поры ни разу
О спасительнице я своей не слышал...
Вы узнали, где ваша сейчас землячка?
Письмецо б я охотно ей написал...»

Огорчать не хотелось мне аксакала,
И, однако, решила я правду сказать.
Посуровел старик, под густыми бровями
Затуманились два голубых родничка:
«Думал я, что на этой войне жестокой
Только сына старшего потерял я,
Оказалось, что потерял и дочь...»

6

Был другой ветеран из Одессы родом,
Хоть давно в переулке московском жил,
Был горячим, смуглым, как все южане,
Шутником, как истинный одессит;
Ни на миг не смолкал, балагурил, смеялся,
И как молодо глаз озорной светился
Из-под шапки черно-седых волос!

И слепящей полоской южного солнца
То и дело вспыхивал блеск лукавый
Крепкозубой улыбки его молодой.

В светлой комнатке я у него сидела,
Где надомником весело он трудился —
Целый день напевал-насвистывал что-то
Да на швейной машине быстро и ловко
Разноцветным косынкам края подшивал.
Ярче майского луга цвели косынки,

И чего только не было на рисунках —
Птицы, звезды, парусники, цветы!
Были яркими, праздничными косынки,
Будто флаги неведомых, дивных стран,
Было сине-багровым лицом ветерана,
Опаленное взрывом...

«И то спасибо,
Что хоть правый глаз мне профессор спас!..
А что нет ноги, так давно привык я,
Слава богу, есть голова на плечах,
Без нее обойтись бы труднее было!..» —
И, сверкнув полоской южного солнца,
Оглушительно захохотал инвалид.

«Салидат, говоришь? Еще бы не помнить!
Черноглазкой прозвали ее в полку,
А вот я называл ее по-другому:
Салидат — спасительница солдат!
И не только спасала —
В пыли походной,
Да в грязи, да в крови, в двух шагах от смерти,
Сколько раз она ободряла нас!..
Вот, к примеру, кончился бой жестокий,
Отвели наш полк на короткий отдых,
Все измучились, много друзей погибло,
Тяжело и пасмурно на душе,
Или, скажем, бредем по осенним шляхам,
Много дней проклятую месим грязь,
Вечер, дождик подлый, костры дымятся,
Мерзко, холодно... Под промозглым небом
Ночевать придется в который раз!
Все продрогли, злятся...

Вдруг слышим пеньё:
Салидат свою горскую песнь поет.
Все смелее юный гортанный голос,
И, забыв про усталость, про дождь и холод,
Улыбаться, шутить начинают бойцы...
Славно пела — получшие иных артисток!
До сих пор ее несколько песен помню...
Вот, хотите, вам хоть одну спою?..»

Приосанился он да тряхнул задорно
Серебристо-черной шапкой кудрей
И запел удалым тенорком... И молча,
Удивляясь, за ним наблюдала я;
Инвалид, весь израненный, обожженный,
Был в душе все таким же одесским парнем,

Сколько лет прошло, а и вправду помнил
Дагестанский наш плясовой мотив:
«Может быть, ни разу не слышал ты
Про далекий горный аул Ахты,
Но любой, кто хоть раз повидал наш край,
Говорит, что Ахты — настоящий рай.
Не бывал я на райском, святом берегу,
С ним аул Ахты сравнить не могу,
Но уж если живут и в раю вот так,
То, ей-богу, бог не дурак!..»

Хохотал одессит, только зубы сверкали:
«А плясала-то как Черноглазка наша
И меня научила по-горски плясать!..»
И вскочил ветеран, и в комнатке тесной,
Где повсюду цветные косынки висели,
С гиком руки вскинув, стуча протезом,
Попытался лезгинку изобразить.

Мы шутили, смеялись... Нет, не могла я
Погасить его радостную улыбку —
Не решилась правду ему сказать.

7

И еще с ветеранами я встречалась,
Воевавшими в том же самом полку,
И почти что каждый видел и помнил
Черноглазку — отважную медсестру.
С каждой встречей такую, с каждым рассказом
Перед взором моим все полней и ярче
Открывался путь ее фронтовой.
Лишь последней вспышки еще не хватало,
Чтоб прорезался весь ее след лучистый —
След сгоревшей, упавшей с неба звезды.
Лишь стежка последнего не хватало,
Чтобы выткался весь узор драгоценный —
Вся короткая жизнь моей Салидат.

Как погибла она?.. Ведь остался где-то
Хоть один, кто мог бы об этом помнить!..
Я писала письма, слала запросы
И уже отчаялась что-то найти...
Но кто ищет, тому помогает случай,
И совсем случайно, совсем недавно
Удалось мне еще одного очевидца
Отыскать: был он строгим, немногословным,
Пожилой инженер с большого завода.

Вот печальный, точный его рассказ:

«...Салидат погибла под Братиславой
У меня на глазах.

Я командовал ротой.

Нарвались на эсэсовцев мы в то утро —

Будто волки в кольце, огрызались они.

Под огнем захлебнулась наша атака,

Приказал залечь я моим бойцам.

Ждем и слышим:

На полосе ничейной

Кто-то стонет, хрипит, на помощь зовет.

Говорю бойцам: подождать придется,

Под таким огнем к нему не добраться!

А бедняга стонет — нет силы слушать,

В тридцати шагах, а помочь нельзя...

Вдруг глазам не верим:

По взрытой пашне

Под сплошным кинжальным огнем фашистов

Кто-то ловко ползет...

Черноглазка наша

На подмогу тому бедолаге спешит!

До чего ж отчаянная девчонка,

Ничего не боялась...

Еще минута —

И сумела раненого найти!...»

Помолчал седой инженер немного,

Портсигар достал, закурил, нахмурясь,

И сурово, медленно продолжал.

«Тут ребята мои не могли сдержаться —

Запросились в атаку. Я разрешил...

Как рванулись бойцы!

В рукопашных схватках

Приходилось бывать, а такой не видал!

Не поэт я, а все-таки с вихрем грозным

Эту схватку смертельную бы сравнил:

Забросали гранатами мы фашистов

Да скорей Черноглазку нашу искать.

И нашли:

Возле раненого сапера,

Забинтованного ее руками,

Будто крепко-крепко уснув, лежала

Салидат, убитая наповал...»

Пятьдесят четыре красных гвоздики
 На твоей надгробной плите лежат.
 День рождения свой пятьдесят четвертый
 Ты сегодня отметила бы, Салидат.
 Но теперь обрела ты достойное право
 И на вечный покой и на вечный почет.
 Ты лежишь на холме тишины и славы,
 А внизу — красавица Братислава:
 Окна блещут,
 Плавна река течет.
 Тополя над тобою стоят на страже...
 Это здесь в огонь ты рванулась вражий —
 К своему последнему рубежу...
 Это здесь ты стала для нас бессмертной,
 И к тебе, как скиталец — к цели заветной,
 На высокий холм, что зовется Славин,
 Я уже не в первый раз прихожу.

Шмель гудит...

Шелестит листва над могилой...
 Что твоею мыслью последней было
 Перед тем, как упала ты, руки раскинув,
 Словно всю планету решив обнять?..
 Может быть, в последний раз просияли
 Снежных гор знакомые с детства дали,
 И альпийские склоны к ногам разостлали
 Свежих трав весеннюю благодать...
 Или вспомнилась старая, темная сакля,
 Заплескался огонь под котлом висячим,
 И горячий —
 Только что испеченный —
 Золотой лаваш протянула мать...
 Или бабушка знойным июльским полднем
 Принесла пиалу с прохладным кумысом,
 И с улыбкою ласковой
 Ты потянулась
 Ей на лбу поправить седую прядь...
 Или вспомнился школьный звонок веселый,
 Смех подруг,
 Костры пионерских походов,
 С переписанными тайком стихами
 Под подушкой спрятанная тетрадь...
 Или факелы ты над толпой увидала

И Красавицу гор в белоснежном платье,
И в кругу молодежи, под рокот бубна
Ты опять пустилась плясать, плясать...
Может быть...

Я не знаю...

Никто не знает!..

Нить судьбы порвалась — никому не связать...

Не скажу «прощай», скажу на прощанье:

— Спи, сестра, спокойно спи, Салидат!

Здесь, на светлом холме,

Я даю обещанье:

Сотни юных сердец

Твой огонь сохранят,

Этот пламень высокий угаснуть не должен!..

Не букет гвоздик на плиту положен —

Это памяти жгучие искры горят.

СОДЕРЖАНИЕ

Мальчишкам Сорок первого. <i>Перевод С. Северцева</i> . . .	3
Память. <i>Перевод С. Северцева</i>	4
Подвиг. <i>Перевод С. Северцева</i>	4
Соседский сын. <i>Перевод С. Северцева</i>	5
Тишина на рассвете. <i>Перевод С. Северцева</i>	6
Печальная легенда. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	6
В родном ауле. <i>Перевод С. Северцева</i>	8
Сиреневая печаль. <i>Перевод С. Северцева</i>	9
Разговор с Отчиной. <i>Перевод С. Северцева</i>	11
Из лирических тетрадей. <i>Перевод С. Северцева</i>	11
Внезапность. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	15
Доверчивость. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	16
Суть счастья. <i>Перевод Г. Ярославцева</i>	17
Салидат (<i>поэма</i>). <i>Перевод С. Северцева</i>	17

Фазу Гамзатовна АЛИЕВА

РАЗГОВОР С ОТЧИЗНОЙ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 22.11.84. Подписано к печати 08.01.85. А 00303. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учено-изд. л. 1,80. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 86 000 экз. Изд. № 76. Заказ № 3891. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Государственные трудовые сберегательные кассы предоставляют населению возможность надежного хранения свободных денежных средств на счетах по вкладам. Вклады можно пополнить наличными деньгами или путем перечисления предприятия и организациями сумм на счета вкладчиков в безналичном порядке.

● Одной из перспективных форм обслуживания населения путем безналичных расчетов является выплата через сберегательные кассы заработной платы рабочим и служащим и денежных заработков колхозникам. Сейчас этой формой расчетов пользуются свыше 20 тысяч предприятий, организаций и колхозов, свою заработную плату получают в сберкассах семь миллионов трудящихся.

● Выплата заработной платы через сберегательные кассы с предварительным зачислением во вклады имеет большое социально-экономическое значение и тесно сочетает интересы государства с личными интересами трудящихся.

● Переход на новую форму расчетов положительно влияет на улучшение обслуживания трудящихся, сокращает на предприятиях потери рабочего времени, связанные с выдачей заработной платы, способствует повышению производительности труда и выпуску дополнительной продукции.

● Трудящиеся могут получить заработную плату в свободное от работы время полностью или частями в сберегательных кассах находящихся вблизи места жительства.

● Чтобы воспользоваться услугами по выплате заработной платы трудящимся через сберегательные кассы, предприятия, организации и колхозы могут заключить с соответствующими центральными сберегательными кассами договор на организацию этой работы.

Правление Гострудсберкасс СССР